

НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ • ЭКОНОМИКА

... Вместо масла

Молочной продукции меньше не стало, дефицита не будет, а рост цен на то же масло — симптом «советской» ошибки в работе правительства

Фото: Олег Харсеев / Коммерсантъ

10:19, 5 ноября 2024,

Дмитрий Прокофьев

редактор отдела экономики

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

В конце октября Росстат опубликовал очередные оперативные данные о росте цен в 2024 году. Основные драйверы этого роста — молочная продукция и овощи.

По данным Росстата, октябрьский скачок цен стал рекордным с октября 2007 года — тогда, например, масло за месяц стало дороже на 12,7%. Но и сейчас темпы роста масляной инфляции впечатляют. Что-то случилось?

Копейка рубль заберет

В этом году цены на сливочное масло росли практически каждую неделю. Ненамного, «по копеечке», однако эти копеечки к поздней осени собрались в рубли, и официальная статистика зафиксировала: с начала года сливочное масло прибавило в цене 25,7% — втрое выше официальных темпов инфляции. Только за октябрь средние розничные цены на сливочное масло в России выросли на 5,1%. Это стало самым высоким темпом роста на молочном рынке. По данным исследовательской компании «Контур.Маркет», в октябре 2024 года средняя стоимость упаковки сливочного масла массой 180 г составила 184 рубля.

Стремительно дорожать сливочное масло начало осенью: в сентябре цены выросли на 5,07%, а с 1 по 28 октября — на 6,58%. Кроме того, именно молочная продукция оказалась самой пострадавшей от даунсайзинга — сокращения количества и веса товара в одной упаковке. За последние годы в российских магазинах упаковки сметаны, молока и масла заметно уменьшились. Объемы бутылок молока в среднем снизились на 50 мл, сметаны — на 67 г, сливочного масла — на 30 г. И этот процесс **продолжается**.

МАСЛЯНЫЕ ВОРЫ

Ажиотаж вокруг масла привел к тому, что отдельные магазины стали выставлять масло на прилавки в защитных боксах, чтобы снизить количество краж, а по Рунету завириусились видео с камер наблюдения, на которых можно было наблюдать, как эти самые кражи и происходят. Правда, справедливости ради скажем, что кражи сливочного масла начались в магазинах не вчера. Его воровали и в 2010, и в 2020 году. В том числе и массово, организованными группами. Почему воруют именно масло? Потому что это очень удобный для кражи продукт. Компактная упаковка, никаких неприятных запахов, продукт весьма дорогой (а воруют, как правило, позиции не по 70–80 рублей), его можно быстро продать, причём разными способами. Именно поэтому масло воровали, воруют и будут воровать.

Молочные продукты и сыры

Фото: Александр Казаков / Коммерсантъ

Не меньше, но дороже

На новости о «масляном кризисе» власти отреагировали быстро, хотя и стандартно — 23 октября на сайте правительства появилось сообщение о том, что вице-премьер правительства РФ Дмитрий Патрушев провел совещание с участием производителей и переработчиков молочной продукции, представителей крупных торговых сетей и заинтересованных ведомств, на котором «дал ряд поручений в целях стабилизации цен на сливочное масло на внутреннем рынке», отметив, что для стабилизации цен был активизирован импорт из ряда стран.

«Однако это не должно отменять задачу системного наращивания производства продукции. Молочная отрасль — это социально значимое направление агропромышленного комплекса. Понимая это, правительство не первый год предоставляет производителям и переработчикам целый

комплекс мер государственной поддержки», — подчеркнул Дмитрий Патрушев.

О том, какого рода поручения были разданы по результатам совещания, можно судить по сообщению Федеральной антимонопольной службы, которая в тот же день [отчиталась](#) о работе над соглашениями с торговыми сетями по ограничению цен на масло, хлеб и молоко.

Постановление правительства, предоставляющее региональным органам власти возможность в случае необходимости заключать с хозяйствующими субъектами соглашения о сдерживании цен на социально значимые продовольственные товары, было принято в России еще в 2023 году.

Кроме того, чиновники взялись и за создание условий для роста импорта масла. Россия уже [попросила](#) Евразийскую экономическую комиссию о тарифной льготе на ввоз сливочного масла. Речь идет о квоте на шесть месяцев на беспошлинный ввоз до 30 тысяч тонн продукта. Сейчас базовая пошлина на импорт сливочного масла составляет 15%, но не менее 0,22 евро за килограмм. Сливочное масло из Турции уже появилось на прилавках, к нему вот-вот прибавится масло из ОАЭ — по данным на 2 ноября, из этой страны его было ввезено 90 тонн, сообщили в Россельхознадзоре. Первая партия приехала в Россию из ОАЭ еще 18 октября, ранее поставок оттуда не было никогда.

Впрочем, в масштабах российского рынка этого слишком мало, чтобы действительно повлиять на цены.

В РФ и правда растет и производство сливочного масла, и его импорт. По данным ФГИС «ВетИС» Россельхознадзора, к 29 октября 2024 года в стране было произведено 384,3 тыс. т сливочного масла против 371,3 тыс. т за аналогичный период

прошлого года. Таким образом, производство выросло на 3,5%. Кроме того, за этот период в РФ было ввезено 112,3 тыс. т сливочного масла, это на 9% больше, чем годом ранее.

То есть масла действительно меньше не стало. Но почему оно стало стоить намного дороже? Как, кстати, и остальные продукты.

Неслучайно за правительственным совещанием по поводу масла уже 31 октября последовало [совещание](#) «по продуктам в целом». По итогам совещания вице-премьер Дмитрий Патрушев поручил в ежедневном режиме вести мониторинг продовольственного рынка, а заинтересованным ведомствам в течение двух недель принять исчерпывающие меры для сохранения стабильной ситуации на рынке продовольствия. Оценить результаты этих мер нам еще предстоит.

Совокупность факторов

На самом деле к «масляному кризису» на российском рынке привела серия факторов.

Для производства сливочного масла необходимо молоко. Молока в России, кажется, достаточно. По прогнозу Минсельхоза РФ, в 2024 году производство молока в нашей стране может превысить 34 млн т. Но здесь есть свои нюансы.

Очень упрощенно можно сказать, что с точки зрения молочного завода «молоко» — это жир и белок. Жир идет на производство сливок, из которых потом делают сметану и сливочное масло. А белок используется при производстве творога и сыра. Особенность потребления молочной продукции в России в том, что молочный жир мы съедаем в виде сметаны, а белок — в

виде творога. То есть жира и белка на производство и масла, и сыра просто не хватает. Кроме того, молоко молоку рознь: для производства масла нужно жирное молоко, а для него нужны молочное стадо, корма для коров...

Кроме того, масло сейчас идет не только на полки супермаркетов, но и на производство кондитерской продукции.

Фото: Виктор Драчев / Коммерсантъ

Раньше производители торты и пирожных (да и всей кондитерки), а также конфет с начинками и недорогого шоколада использовали пальмовое масло. Но с «пальмой» начались проблемы — его поставки из Индонезии по итогам января — сентября снизились почти на 9%. К этому привели и увеличение сроков морских перевозок из Индонезии, и рост мировых цен на пальмовое масло на 20–25%, и сложности с валютными расчетами. Результат — «пальму» пришлось

заменять «настоящим маслом», и это сразу же отразилось на ценах. От пальмового масла зависят не только кондитеры, но и молочники. Поэтому всевозможные «сырные», «творожные», «сметанные» продукты, как и ультрадешевое «сливочное масло», тоже могут подорожать.

Впрочем, и это проблема не новая — до 2022 года 40 тысяч т сливочного масла в год в Россию поставляла Новая Зеландия, еще 20 тысяч т масла приходило из Европы. Сейчас эти каналы поставок перекрыты — и это не может не отражаться на ценах. К слову, с 2014 года, когда правительство сделало ставку на «самообеспечение продуктами»,

покупательная способность доходов граждан по отношению к сливочному маслу сократилась примерно на треть — да, доходы выросли, но цены на продукты выросли еще сильнее.

Будет, но дорого

Максимально кратко мнение экспертов рынка, производителей и продавцов, с которыми общался автор статьи, можно выразить так.

Сложнее всего в нынешней ситуации пришлось тем поставщикам, кто закупает масло «где-то на стороне» и только фасует его для поставки в магазины. Они реально столкнулись с дефицитом. Зато те заводы, которые производят масло самостоятельно, теперь завалены предложениями от торговых сетей, готовых брать всё и даже практически не обсуждающих цену (нонсенс, но исключительно ситуативный). «Такие форс-мажоры — идеальный шанс для тех, кто хочет зайти в сети. Видимо, далеко не последний шанс», — отмечает независимый

эксперт по ретейлу Михаил Лачугин.

Впрочем, этот шанс выпадает не всем. Себестоимость производственной и торговой деятельности существенно возросла за последний год. Это связано с целым рядом факторов — от разрыва производственно-логистических цепочек из-за ухода международных компаний до сопутствующего разрыва производства и поставок оборудования. Не хватает и персонала.

Никакого дефицита не будет. Но импортная продукция никак не собьет цены. В лучшем случае она удовлетворит спрос со стороны тех, кто готов платить за «выбор», причем по более высокой цене, чем та, по которой продается российская продукция. Но сливочное масло никуда не денется с полок супермаркетов, причем будет представлено в весьма широком ассортименте. Разумеется, за отсутствие дефицита придётся доплатить — цены на «настоящее масло» вырастут. Для тех, кому не хватит денег, есть разного рода дискаунтеры, где продукция, называемая маслом, так и будет продаваться по куда более низким ценам. Кстати, и

классические сети сейчас увеличивают количество позиций подозрительно дешевого продукта под названием «сливочное масло», чтобы средняя цена по категории была более сбалансированной, ну и чтобы удовлетворить потребности тех, кто не готов покупать 180 граммов масла по цене в 250–300 рублей.

Добавим, что и власти не считают целесообразным устанавливать «сверху» предельные розничные цены либо наценки на социально значимые продукты питания,

оказавшиеся в зоне риска по динамике удорожания. Этой позиции придерживаются Минсельхоз, Минпромторг и Федеральная антимонопольная служба России, следует из протокола совещания по ценам на продукты, состоявшегося в правительстве РФ, содержание которого [пересказывает](#) «Интерфакс».

Вместо этого ведомства намерены совместно с ретейлерами и профильными союзами и ассоциациями организовать работу по расширению перечня продовольственных товаров, в отношении которых торговые сети и производители могут добровольно ограничивать наценки, тем самым повышая доступность товаров для малоимущих граждан... Одновременно ведомства договорились координировать информационную политику в отношении ценовой ситуации на продовольственном рынке, с тем чтобы не допустить негативного влияния на него.

Сложное уравнение с последствиями

Причины «масляного кризиса», перечисленные выше, важны каждая сама по себе. Но все они являются отражением другой проблемы — системной.

Исследователь экономической истории СССР Пол Грегори в книге «Политическая экономия сталинизма» приводил примечательный анализ причин перманентного продовольственного кризиса в СССР, преодолеть который не получалось вплоть до конца XX столетия:

«Зерно производится с использованием земли, труда и капитала, при этом сельскохозяйственный капитал включает здания, запасы, сельскохозяйственное оборудование и животных, таких как лошади и волы, которые обеспечивают тяговую силу. Если принудительная коллективизация приводит к снижению усилий со стороны труда или к потере в физическом капитале, то само снижение уровня жизни [крестьян] не обязательно создает излишек [для изъятия и трансфера в город] — может упасть совокупный уровень производства. Одной из наиболее хорошо задокументированных потерь от коллективизации было массовое уничтожение скота, включая лошадей и волов, которые традиционно обеспечивали тяговую силу в российском сельском хозяйстве. Потери скота были значительными. В 1933 году поголовье скота в сельском хозяйстве составляло 40% от уровня 1928 года. С учетом широкого сопротивления крестьян коллективизации усилие, прилагаемое трудом, также должно было

снизиться...

Следовательно, если коллективизация разрушила сельскохозяйственный капитал и понизила усилие труда, неясно, создало ли [намеренное] снижение уровня жизни крестьян какой-либо излишек [для трансфера в город]. Наиболее прямым способом проверки избыточного вклада сельского хозяйства является вычитание потока промышленных товаров в сельское хозяйство из потока сельскохозяйственных товаров в город — своего рода баланс платежей для сельского хозяйства по отношению к промышленности. Такие расчеты (...) показывают, что излишка практически не было.

Ответ на эту загадку заключается в том, что промышленность была вынуждена компенсировать потерю животной тяговой силы, производя тракторы и комбайны для сельского хозяйства — поток продукции обратно в сельское хозяйство. Таким образом, рост нормы инвестиций был оплачен за счет общего снижения уровня жизни — как сельскохозяйственных работников, так и промышленных рабочих. То, что казалось простой и решительной стратегией — собирать дань с сельского хозяйства для финансирования промышленных инвестиций, — превратилось в сложное уравнение с непредвиденными последствиями...»

А какое отношение все это имеет к сегодняшним ценам на масло?

Самое непосредственное, хотя и не столь очевидное на первый

взгляд.

Дело в том, что идеологи «структурной трансформации российской экономики», которую мы наблюдаем, поступили также, как их дедушки во времена сталинской коллективизации — в ситуации нехватки капитала (технологий и оборудования) в обрабатывающей промышленности они создали систему экономических стимулов, направленную на переток капитала в приоритетные для себя отрасли. Только роль «крестьян» — т.е. социальной группы, снижение качества жизни которой должно, по замыслу идеологов трансформации, дать «излишек» для изъятия и трансфера в «производство», — играют жители больших городов, не занятые в секторах, приоритетных для правительства.

Но переток капитала в «обрабатывающую промышленность» обернулся дефицитом ресурсов во всех остальных отраслях. А дефицит, как мы знаем, компенсируется ростом цен на эти ресурсы и продукцию, произведенную на их основе. И растущие цены на масло — это компенсация, которую мы платим за «рост выпуска металлических изделий», которым так гордится правительство.

Это именно та ситуация, которую описывал Пол Грегори: «*простая и решительная стратегия превращается в сложное уравнение с непредвиденными последствиями*». «Масляный кризис» — всего лишь одно из этих последствий.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Свое», но «дорого»](#)

Как «продовольственные контрсанкции» сказались на ценах и ассортименте в российских магазинах и зачем они были нужны на самом деле

15:44, 23 октября 2024, Дмитрий Прокофьев